ФОРМИРОВАНИЕ СТРАТЕГИЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА ОСНОВЕ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ О СООТНОШЕНИИ ПОЛИТИКИ И МОРАЛИ

FORMATION OF GLOBALIZATION STRATEGIES BASED ON PHILOSOPHICAL THOUGHT ABOUT THE RELATIONSHIP OF POLITICS AND MORALITY

УДК 177

НАНДИНГНА Мануел Мора Кампал

NANDINGNA Manuel Mora Kampal

Аннотация. *В статье анализируется формирование стратегий глобализации через призму философского осмысления соотношения политики и морали. На основе ретроспективного анализа античной философии, отечественной философской мысли и современных концепций рассматривается эволюция подходов к морально-политической детерминации международных отношений. Особое внимание уделяется проблеме легитимации гуманитарных интервенций, цифровой трансформации вооруженных конфликтов и перспективам формирования этически ориентированных стратегий глобализации.*

Ключевые слова: *политика; мораль; глобализация; справедливая война; гуманитарная интервенция; цифровизация; суверенитет; этика; философия политики; международные отношения.*

Abstract. *This article analyzes the development of globalization strategies through the lens of philosophical understanding of the relationship between politics and morality. Drawing on a retrospective analysis of ancient philosophy, Russian philosophical thought, and contemporary concepts, it examines the evolution of approaches to the moral and political determination of international relations. Particular attention is paid to the legitimization of humanitarian interventions, the digital transformation of armed conflicts, and the prospects for developing ethically oriented globalization strategies.*

Keywords: *politics; morality; globalization; just war; humanitarian intervention; digitalization; sovereignty; ethics; philosophy of politics; international relations.*

Современные процессы глобализации сопровождаются качественной трансформацией системы международных отношений, что актуализирует проблему соотношения политических стратегий и моральных оснований их реализации. В условиях, когда «применение военной силы для решения

политических, экономических и социальных задач стало распространенным явлением в реалиях XXI века» [6], формирование эффективных стратегий глобализации невозможно без обращения к философскому наследию, содержащему фундаментальные основания взаимодействия политики и морали. В общественном сознании, как отмечают исследователи, «укоренилось убеждение, что политика априори не может быть связана с моралью, поэтому разрешение конфликтов может происходить исключительно с применением насилия» [4]. Однако историко-философский анализ демонстрирует более сложную картину взаимовлияния этих феноменов.

Истоки философского осмысления соотношения политики и морали восходят к античной философии, где впервые были поставлены вопросы о справедливости войны, моральных ограничениях насилия и нравственных основаниях политических решений. Древнегреческие мыслители заложили концептуальный фундамент, на котором впоследствии формировались подходы к морально-политической регуляции межгосударственных отношений.

Гераклит рассматривал войну как универсальный принцип бытия, утверждая, что «должно знать, что война общепринята, что вражда – обычный порядок вещей, и что все возникает через вражду и взаимообразно» [10]. Эта космологическая трактовка войны, однако, не снимала вопроса о ее нравственной оценке. Сократ, как подчеркивается в исследовании Д.В. Некрасова, «настаивал на определениях добродетелей, которые были широко признаны и востребованы его современниками, но которые им было трудно осмыслить» [7]. Внимание, уделенное этике Сократом, привело его к форме политического философствования, где связь между политикой и знанием, значением справедливости как добродетели и ценностью военного мужества стали центральными темами.

Платон и Аристотель ввели важное различение между stasis (вооруженным столкновением между греческими полисами) и polemos

(войной с варварами). Как отмечается в исследовании, «Платон был первым в европейской философии, кто озвучил идею о моральном ограничении ведения войны» [7], утверждая, что внутренние войны между полисами должны вестись по строгим правилам с лимитированным уровнем насилия. В отношении же варваров Платон и Аристотель не видели сдерживающих факторов. Аристотель в «Политике» прямо утверждал, что «война против варваров, равно как и насилие в отношении них, не является чем-то предосудительным, и даже напротив, война против них есть восстановление природной справедливости» [1].

Цицерон, на чьи взгляды «наложили отпечаток эллинистическая философия и ее отношение к войнам в политическом и нравственном контексте» [7], внес существенные коррективы в античную традицию. Как подчеркивается в исследовании, посвященном правовым и нравственным аспектам войны у Цицерона, он «выдвигает концепцию bellum iustum, вкладывая в это понятие не только чисто юридический («законная война»), но и нравственный смысл («справедливая война»), требующий оценки причин ведения войны» [11]. Основной заслугой Цицерона стал перенос проблемы соотношения политики и морали в юридическое поле, что предопределило последующее развитие международно-правовых механизмов регуляции вооруженных конфликтов.

Русская философская мысль, формировавшаяся под влиянием православия, выработала особое понимание соотношения политики и морали. Как отмечает П.П. Степнов, «своеобразие той или иной культуры во многом определяется особенностями взаимодействия нравственного сознания и этического мышления» [9]. В допетровской Руси, согласно исследованию, «моральные принципы славян, так или иначе, влияли на политические решения их лидеров», а «нормы морали трактовались обычаями и системой табу, зародившейся в родо-племенных условиях, а также влиянием язычества, требующего определенной модели поведения» [5].

Принятие христианства привнесло в русскую мысль новое понимание соотношения духовного и мирского начал. Митрополит Киевский Иларион в «Слове о Законе и Благодати» ставил закон Божий выше закона политического, что, по мнению исследователей, стало истоком русской соборности – «единства народа в исполнении христианского долга и самопожертвовании, в стремлении посильно приблизиться к Богу, «обожиться», «освятиться», воплотить в себе нравственный идеал Православия» [5].

Владимир Мономах в своем «Поучении» стал первым в российской истории мыслителем, который «поднял вопрос о соотношении морали и политики в войнах и оставил после себя задокументированные тексты, посвященные этой проблеме» [5]. Его подход демонстрирует характерное для отечественной традиции представление о возможности соблюдения моральных норм даже в военных походах.

В советский период, как отмечается в диссертационном исследовании, «доминирующую роль носили социально-философские идеи марксизма-ленинизма» [6], что привело к формированию особого вида морали – коммунистической, которая стала общепринятой нормой. Однако, несмотря на доминирование политического начала, мораль сохраняла значимое влияние на действия субъектов войны и принятие политических решений.

Современные стратегии глобализации часто реализуются через механизмы гуманитарных интервенций, которые вызывают острую дискуссию о соотношении политических целей и моральных оснований. Как отмечается в исследовании, «появление такого механизма как «гуманитарная интервенция» позволило обходить современные нормы международного права для достижения одними государствами (международными организациями) политических, экономических, военных и иных целей на территории других государств» [2].

Концептуальное обоснование гуманитарных интервенций было предложено в 1987 году Бернаром Кушнером, основателем движения «Врачи

без границ», который настаивал на том, что «демократические государства имеют право и даже обязаны ради защиты прав человека вмешиваться в дела других государств, невзирая на их суверенитет» [2]. Первой гуманитарной интервенцией в этом смысле стала военная операция НАТО против Югославии в 1999 году, которая, как подчеркивается в исследовании, «официально обосновывалась как гуманитарная интервенция со стороны США, несмотря на отсутствие мандата ООН» [2].

Официальная позиция Российской Федерации, выраженная представителем МИД, оценивает эти практики как использование «таких порочных концепций, как «ответственность по защите» и «гуманитарная интервенция», которые «призваны оправдать противоправное и произвольное использование военной силы под прикрытием защиты гражданского населения и его прав, а также направлены на реализацию собственных геополитических интересов» [3].

Анализ практики гуманитарных интервенций в Афганистане (2001), Ираке (2003) и Ливии (2011) показывает, что «во всех трех случаях вооруженное вмешательство в том виде, в каком оно было осуществлено, не было санкционировано СБ ООН» [2]. Более того, как отмечается в исследовании, «международное сообщество оказалось не в состоянии выполнить ни одно из положений доклада «Ответственность по защите»: оно не предотвратило нарушения гуманитарного права, не отреагировало на реальные сигналы и не восстановило стабильность в плане обеспечения безопасности гражданского населения» [2].

В ответ на эти вызовы в международном дискурсе возникли альтернативные концепции. В частности, президент Бразилии Дилма Русеф предложила заменить концепцию «защищать с ответственностью» концепцией «ответственность во время защиты», обосновав это «необходимостью защищать гражданское население не только от собственных диктаторов, но и от осуществляющих вмешательство внешних сил» [2].

Современные процессы глобализации неразрывно связаны с цифровизацией, которая оказывает существенное влияние на характер ведения боевых действий и формирует новые этические дилеммы. Как отмечается в исследовании Д.В. Некрасова, К.С. Петрякова и Д.В. Казакова, «симулякры, виртуальные копии реальности, становятся неотъемлемой частью планирования операций, военных учений и непосредственно самих боевых действий» [8]. Это порождает ряд моральных проблем: размытие границ между реальностью и виртуальностью, десенсибилизацию солдат к насилию, эскалацию военных действий и опасность дегуманизации противника.

Профессор цифровой этики Оксфордского университета Мариарозария Таддео, исследуя феномен войны дронов, предупреждает об «эмоциональной дистанции от войны», которая «ведет к моральному отчуждению, к хладнокровным убийствам» [8]. Особую тревогу вызывает тот факт, что «автономные смертоносные системы фактически еще не применялись до 2022 года», однако «в российско-украинской войне обе стороны по меньшей мере тестировали полностью автономные системы вооружений» [8]. Таддео подчеркивает: «Передавать решение об убийстве людей машине морально неприемлемо» [8], указывая на необходимость разработки новых правил ведения войны.

Алексей Костенко, заведующий Научной лаборатории иммерсивных технологий и права, отмечает, что «цифровые войны будущего будут отличаться от тех, что мы знали до сих пор, поскольку они станут значительно жестче», а их целью станут не только кибератаки на серверы, но и «человеческая психика» [12]. В этой связи, по его мнению, «человечеству придется создать новые правила игры», включая разработку «современного международного цифрового кодекса, сочетающего технические, правовые и этические подходы к виртуальным конфликтам» [12].

Ретроспективный анализ философской мысли о соотношении политики и морали позволяет сформулировать ряд принципов формирования стратегий

глобализации, учитывающих как политические реалии, так и нравственные императивы.

Во-первых, стратегии глобализации должны основываться на признании приоритета дипломатических методов разрешения конфликтов. Как отмечается в исследовании РУДН, «переговорный процесс и факты заключения международных договоров становятся предпочтительными методами разрешения политических конфликтов» [4], что дает основания полагать, что «политическая этика имеет положительную тенденцию становления» [4].

Во-вторых, при необходимости применения силы должны действовать моральные ограничения, восходящие к античной традиции. Принципы соразмерности и различия, сформулированные в современной теории справедливой войны, требуют, чтобы «целью атак могли выступать исключительно комбатанты, вооруженные формирования и объекты военной инфраструктуры», а такие цели, как школы, больницы, жилые дома, гражданские и религиозные объекты, «не могут выступать в качестве целей» [6].

В-третьих, необходимо преодолеть разрыв между декларируемыми моральными целями и реальными политическими интересами, который характерен для практики гуманитарных интервенций. Как справедливо отмечает английский военный эксперт Джон Киган, «победа, одержанная на Балканах военно-воздушными силами, является не просто победой НАТО или победой во имя «моральной причины», из-за которой велась война. Это победа во имя нового миропорядка» [2].

В-четвертых, формирование стратегий глобализации в цифровую эпоху требует разработки новых этических рамок, учитывающих специфику виртуальных симулякров и автономных систем вооружений. Как отмечается в исследовании, «необходимо обеспечить прозрачность в разработке и использовании военных симулякров, а также установить механизмы контроля

и подотчетности; вывод симулякров из «тени» и регламентировать их использование с точки зрения международного права» [8].

Проведенный анализ позволяет заключить, что формирование эффективных стратегий глобализации невозможно без учета многовековой философской традиции осмысления соотношения политики и морали. Античная философия заложила основания для различения справедливых и несправедливых войн, сформулировала принципы морального ограничения насилия и создала концептуальный аппарат, сохраняющий актуальность до настоящего времени. Отечественная философская мысль, формировавшаяся под влиянием православия, выработала особое понимание единства политических и нравственных начал, где мораль выступала не второстепенным, а равнозначным фактором принятия политических решений.

Современные вызовы глобализации, связанные с практикой гуманитарных интервенций и цифровой трансформацией вооруженных конфликтов, требуют дальнейшего развития теоретических подходов к соотношению политики и морали. Формирование стратегий глобализации должно основываться на принципах, выработанных философской традицией: приоритете дипломатических методов, моральных ограничениях применения силы, прозрачности и подотчетности при использовании новых технологий. Только при этих условиях возможно преодоление разрыва между политическими интересами и нравственными императивами, который в настоящее время выступает источником нестабильности в международных отношениях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Аристотель. Политика. М.: АСТ, 2018. 416 с.
2. Гуманитарные интервенции в контексте геополитики // Российский совет по международным делам. 2024. 15 марта.

3. Долгов К. Запад использует права человека для вмешательства в политику суверенных стран // Информационно-аналитический портал НАТО.РФ. 2013. 13 сентября.
4. Жеребило Т.В. Дефицит коммуникативной составляющей в современном дискурсе политической этики // Научный альманах. 2021. № 2. С. 45-49.
5. Некрасов Д.В. Особенности трактовки морали и политики в российской философской мысли допетровской эпохи // Миссия конфессий. 2022. Т. 11. № 7 (64). С. 98-102.
6. Некрасов Д.В. Соотношение политики и морали в современных вооруженных конфликтах: автореф. дис. … канд. филос. наук. М., 2024. 20 с.
7. Некрасов Д.В. Соотношение политики и морали в контексте войны в работах античных философов // Социально-гуманитарные знания. 2022. № 6. С. 140-142.
8. Некрасов Д.В., Петряков К.С., Казаков Д.В. Моральные дилеммы симулякров: влияние цифровизации на этику в вооруженных конфликтах // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Т. 12. № 12А. С. 167-172.
9. Степнов П.П. Нравственно-политическая мысль допетровской Руси: дис. … д-ра филос. наук. М., 2002. 456 с.
10. Фрагменты ранних греческих философов. М.: Наука, 1989. Ч. 1. 576 с.
11. Цицерон о правовых и нравственных аспектах войны и мира // Научная мысль Кавказа. 2022. № 4. С. 32-38.
12. Эксперт заявил, что информационные войны будущего будут битвой за человеческое сознание // Зеркало недели. 2025. 20 октября.

REFERENCES:

1. Aristotle. Politics. Moscow: AST, 2018. 416 p.
2. Humanitarian Interventions in the Context of Geopolitics // Russian International Affairs Council. 2024. March 15.

3. Dolgov K. The West Uses Human Rights to Interfere in the Politics of Sovereign Countries // NATO.RF Information and Analytical Portal. 2013. September 13.
4. Zherebilo T.V. Deficit of the Communicative Component in the Modern Discourse of Political Ethics // Scientific Almanac. 2021. No. 2. Pp. 45-49.
5. Nekrasov D.V. Features of the Interpretation of Morality and Politics in Russian Philosophical Thought of the Pre-Petrine Era // Mission of Confessions. 2022. Vol. 11. No. 7 (64). Pp. 98-102.
6. Nekrasov D.V. The Relationship between Politics and Morality in Modern Armed Conflicts: avtoref. dis. ... Candidate of Philosophical Sciences. Moscow, 2024. 20 p.
7. Nekrasov D.V. The Relationship between Politics and Morality in the Context of War in the Works of Ancient Philosophers // Social and Humanitarian Knowledge. 2022. No. 6. Pp. 140-142.
8. Nekrasov D.V., Petryakov K.S., Kazakov D.V. Moral Dilemmas of Simulacra: The Impact of Digitalization on Ethics in Armed Conflicts // Context and Reflection: Philosophy of the World and Man. 2023. Vol. 12. No. 12A. Pp. 167-172.
9. Stepnov P.P. Moral and Political Thought of Pre-Petrine Rus': Dis. … Doctor of Philosophical Sciences. Moscow, 2002. 456 p.
10. Fragments of Early Greek Philosophers. Moscow: Nauka, 1989. Part 1. 576 p.
11. Cicero on the Legal and Moral Aspects of War and Peace // Scientific Thought of the Caucasus. 2022. No. 4. Pp. 32-38.
12. An Expert Declared that the Information Wars of the Future Will Be a Battle for Human Consciousness // Zerkalo Nedeli. 2025. October 20.

Нандингна Мануел Мора Кампал
адъюнкт кафедры философии
Военный университет имени князя Александра Невского
123001, г. Москва, Б. Садовая ул., д. 14, стр. 1.
manelins@gmail.com
SPIN-код: 8312-4481

Nandingna Manuel Mora Kampal
Adjunct of the Department of Philosophy
Military University named after Prince Alexander Nevsky
B. Sadovaya ul., d.14, building 1, Moscow, Russia, 123001

5.7.7. Социальная и политическая философия.